

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.19>

Цыпилова Снежана Сергеевна

ПОЛОЖЕНИЕ И РОЛИ МОНГОЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ (XII-XIII ВВ.)

Статья посвящена исследованию положения женщины в монгольской семье XII-XIII веков. На основе сведений о монгольском обществе и семье, содержащихся в исторических летописях, записях исследователей-путешественников того времени, законах, делается вывод, что статус женщины был достаточно высок, она пользовалась широкими свободами в семейной сфере. В работе детально рассматриваются роли женщины в семье: жены, матери, дочери. Отмечается, что представительницы монгольской элиты часто исполняли обязанности матери-регентши после смерти мужа и влияли на ход политических процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 104-107. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

43. **Стецкевич М. С.** Парламентская реформа 1832 г. в Англии – религиозный конфликт? // Конфликтология. 2018. № 13 (2). С. 109-127.
44. **Стецкевич М. С.** Представление о роли и функциях церкви Англии в английской общественной мысли конца XVIII – первой трети XIX в. // Проблемы истории и историографии зарубежного мира / отв. ред. В. В. Кутявин. Самара: Самарский университет, 1994. С. 58-67.
45. **Стецкевич М. С.** Секуляризация в Англии XVIII-XIX веков: проблемы историографии // Манускрипт. 2018. № 10 (96). С. 53-60.
46. **Сухова Н. Ю.** У. Палмер в России // Филаретовский альманах. 2010. № 6. С. 92-97.
47. **Фадеев И. А.** Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М.: Маска, 2015. 416 с.
48. **Федотов С. П.** История взаимоотношений Русской православной церкви и Оксфордского движения Англиканской церкви в первой половине XIX века // Научное мнение. 2015. № 11. С. 73-76.
49. **Федотов С. П.** Роль богословов Оксфордского университета в истории развития отношений Русской православной и Англиканской церквей в XVIII-XIX вв. // История: факты и символы. 2017. № 1 (10). С. 81-87.
50. **Фивейский М. П.** Шотландский проповедник Эдвард Ирвинг и его последователи. М.: В Университетской типографии на Страстном бульваре, 1887. 271 с.
51. **Фурман Д. Е.** Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. 256 с.
52. **Царегородцев А. В.** Оксфордское движение в контексте религиозного возрождения Англии в раннюю викторианскую эпоху // Pax Britannica: история Британской империи и созданного ею мира: сборник научных работ к 60-летию профессора В. В. Груздинского. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 156-167.
53. **Чаадаев П. Я.** Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.
54. **Чикалова И. Р.** Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801-1917). СПб.: Алетейя, 2013. 392 с.
55. **Чикалова И. Р.** История Великобритании XIX – начала XX веков в советской новистике: темы, историки, труды // Англоведение в современной России / отв. ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 348-357.
56. **Чумакова Т. В.** Духовное просвещение в России и Оксфордское движение во второй половине XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4. С. 70-76.
57. **Herring G.** The Oxford Movement in Practice: The Tractarian Parochial Worlds from the 1830s to the 1870s. Oxford: Oxford University Press, 2016. 384 p.
58. **Herring G.** What was the Oxford Movement? L.: Continuum, 2002. 192 p.

DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF VICTORIAN RELIGIOSITY: A LONG PATH OF DEVELOPMENT

Stetskevich Mikhail Stanislavovich, Ph. D. in History, Associate Professor

Polyakov Nikolai Stanislavovich, Ph. D. in Philosophy

Saint Petersburg University

m.steckevich@spbu.ru; n.polyakov@spbu.ru

For the first time, the article examines the development of the tradition of studying the Victorian religiosity in Russia. The authors conclude that in imperial Russia, the interest for this problem was conditioned by the intensification of the Anglican-Orthodox relations, special attention was paid to the Oxford movement. In the Soviet epoch, due to ideological causes, the problem of the Victorian religiosity ceased to capture the researchers' attention. Nowadays, the English religious life of the XIX century is studied most intensively, which allows concluding that formation of the domestic historiography on this issue is finished.

Key words and phrases: historiography; Anglican Church; Victorian epoch; religious life; Oxford movement.

УДК 94; 396.6

Дата поступления рукописи: 23.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.19>

Статья посвящена исследованию положения женщины в монгольской семье XII-XIII веков. На основе сведений о монгольском обществе и семье, содержащихся в исторических летописях, записях исследователей-путешественников того времени, законах, делается вывод, что статус женщины был достаточно высок, она пользовалась широкими свободами в семейной сфере. В работе детально рассматриваются роли женщины в семье: жены, матери, дочери. Отмечается, что представительницы монгольской элиты часто исполняли обязанности матери-регентши после смерти мужа и влияли на ход политических процессов.

Ключевые слова и фразы: средневековая Монголия; семья; брак; женщина; гендерные роли; хатун.

Цыпилова Снежана Сергеевна, к.и.н.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

ai_qing@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ И РОЛИ МОНГОЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ (XII-XIII ВВ.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Актуальность. В 2018 г. в “The Guardian” вышла статья “Too smart, too successful: Mongolia’s superwomen struggle to find husbands”, где сообщалось о проблемах реализации монгольской современной женщины в семейной жизни в городской местности. Заметим, что неправительственными организациями (в том числе

женскими), правительством Монголии последние десятилетия принимается ряд мер по улучшению положения женщин. Мужчины же остались несколько за фокусом внимания и практически один на один с трудностями, порожденными глубокими социальными изменениями, экономическими проблемами, произошедшими в монгольском постсоциалистическом обществе. Данные процессы не могли не повлиять на институт семьи и брака, который претерпевает значительные изменения в современном обществе. Малодетность, поздний возраст вступления в брак или отказ от брака, рост числа разводов, насилие в семье – в монгольском обществе сформировался ряд вопросов в семейной сфере, требующих поиска ответов и решений.

На наш взгляд, полезно обратиться к историческому опыту семейных отношений в средневековом монгольском обществе, в котором традиционно семья являлась одной из общественных ценностей. Какими были положение женщины, ее роли и функции в традиционной монгольской семье в период становления и расцвета Монгольской империи? Полагаем, что ответы на эти вопросы важны, так как положение женщины в семье и обществе является отражением уровня развития общества в целом.

Научная новизна исследования. В отечественной и зарубежной историографии вопросы положения монгольской женщины в обществе и семье рассматриваются с точки зрения разных дисциплин: истории, антропологии, фольклора, гендерных исследований [2; 7; 8; 10-12]. В данном исследовании предпринята попытка обобщить и рассмотреть особенности места и роли женщины в монгольской семье, на основе анализа исторического материала выявлены важные черты монгольской женщины, характерные для ее разных статусных ролей.

Цель исследования – дать характеристику положения женщины в средневековой монгольской семье XII-XIII веков; рассмотреть особенности монгольской средневековой семьи, проанализировать роли и функции женщины как жены, матери, дочери, главы семьи (в случае смерти мужа).

Методологической основой исследования стали фундаментальные принципы исторической науки: историзм и объективность. Принцип историзма предполагает изучение положения и места женщины в монгольской семье в контексте исторических условий ее существования. Принцип научной объективности требует всестороннего анализа положения монгольской женщины в семье и обществе на основе исторических источников с учетом накопленного научного знания.

Особенности положения женщины и сама организация раннесредневековой монгольской семьи были напрямую связаны с кочевым образом жизни монгольского народа. Согласно Т. Дж. Барфилду, семья (хозяйство) была основной общественной единицей в степи и измерялась числом юрт (домов). Большая семья могла состоять из нескольких поколений единокровных родственников-мужчин вместе с женами и несовершеннолетними детьми. Во главе семьи находился старший мужчина из старшей семьи. Объединения, состоящие из больших семей, были хорошо приспособлены к пасторальному производству. Одному человеку было бы сложно управлять отдельными стадами крупного и мелкого скота в одиночку. Такая форма организации семьи облегчала и женщинам выполнение совместных работ (например, изготовление войлока) [1, с. 421].

В повседневной жизни мужчины охотились и тренировались в стрельбе, выбирали пастбища для скота, изготавливали стрелы. Девушки и женщины умели ездить верхом на лошади, стрелять из лука в одинаковой степени хорошо, как и мужчины [4, с. 50]. Владение этими навыками объясняется тем, что женщины во время военных походов часто сопровождали мужей, где не только помогали, но могли заменить их, иногда принимая участие в боевых сражениях. К тому же владение навыками верховой езды было неотъемлемой частью кочевой жизни, обусловленной необходимостью передвижения на огромные расстояния во время кочевков. Кроме того, женщины шили одежду и сапоги, часто из кожи, правили повозками и могли починить их в случае необходимости, выючили верблюдов («и во всех делах были очень проворны и скоры») [Там же]. В мирное время монгольские женщины, помимо домашних обязанностей, выполняли большую часть мужской работы, участвуя, например, в общей охоте на диких зверей. Как писал Плано Карпини, каждый монгол мог иметь столько жен, сколько позволяло его экономическое положение [Там же, с. 49]. Предполагаем, что это было характерно в большей степени для представителей родоплеменной знати монгольского общества, потому что каждая жена имела собственную юрту, где проживала со своим семейством.

Среди основной массы населения был распространен моногамный брак. Брак у монголов обязательно предусматривал калым (выкуп за невесту). Также отмечается присутствие «пережитков когнатных отношений», когда было в обычае оставлять будущего зятя в семье его будущей жены [6, с. 61]. Например, когда договаривались о браке Чингис-хана с Борте, Есугей-багатур оставил своего 9-летнего сына «в зятях» в доме Дай-Сечена.

Мужчина мог вступить в брак с любой женщиной, за исключением собственной матери и женщин, с которыми состоял в родстве первой и второй степени по материнской линии. Среди монголов были распространены и такие формы брака, как левират и сорорат. Так, младший брат был обязан жениться на жене своего брата после его смерти. В другом случае вдовец мог взять в жены младшую сестру покойной жены. Отметим, что с заключением брака начинало существовать относительно самостоятельное домашнее хозяйство: у мужчины появлялась своя доля стада, а женщина становилась хозяйкой в своей юрте (доме). Для полной автономности обычно недоставало скота и рабочей силы. Большая семья была культурным идеалом и имела много экономических преимуществ [1, с. 422].

Далее кратко рассмотрим роли женщины в семье как жены, матери, дочери и главы семьи.

Жена. В кочевой культуре подчеркивается высокая значимость женщины в ее традиционной роли – жены. В одном из изречений Чингисхана о роли жены говорится следующее: «Мужчина не есть солнце, чтобы являться во всех местах людям; жена должна, когда муж займется охотой или войной, держать дом в благолепии и порядке, так что если заедет в дом гонец или гость, увидит все в порядке, и она приготовит хорошее кушанье, и гость не будет нуждаться ни в чем, непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит имя его в собраниях, подобно горе, воздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются

по хорошим женам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будут от нее видны дурные качества мужа» [3, с. 27]. Так, еще во времена Чингисхана на женщину смотрели, как на помощницу мужчины, как на представительницу его дома, так как благосостояние мужа, его репутация отчасти были обусловлены хорошими или плохими качествами жены.

Для свободы мужчины и его жизни женщина добровольно (а иногда, возможно, по стечению обстоятельств) могла обречь себя на плен или на смерть. В «Сокровенном сказании» приводятся примеры подобной ситуации. Одна история рассказывает об Оэлу, матери Чингисхана, которая ради спасения жизни своего жениха Чиледу убеждает его покинуть ее и бежать. Она произносит следующие слова: «По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив здоров, девушки же в каждом возке найдутся; жены в каждой кибитке найдутся» [5, с. 6]. В другом случае Борте, жена Темуджина, оказалась захваченной в плен меркитами. Это произошло, когда Темуджин вместе с братьями был вынужден спасаться бегством от внезапного нападения меркитов. Борте, оказавшаяся без лошади, была захвачена [Там же, с. 15]. Таким образом, можно предположить, что в условиях кочевой цивилизации существовал определенный тип поведения женщины, которому были свойственны почитание мужчины и жертвенность.

Мать. Материнство являлось неизменной ценностью в монгольском обществе и имело сакральное значение. Как отмечает А. С. Мишукова, главной характеристикой материнской роли является любовь к детям. Будучи матерью, женщина заботится о них, заботится о них, следит за физическими нуждами (еда, пища, кров), помогает им; вместе с тем предоставляет детям определенную самостоятельность, не навязывая своих взглядов [7, с. 207].

Женщина-мать пользовалась уважением в семье и обществе, имела влияние на своих детей. Как мы помним, мама Чингисхана была единственным человеком, который мог его критиковать. В «Сокровенном сказании» приводятся такие строки:

«Смелой родилась наша мать-Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.
Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия.
Корнем чжаухасуна вспоенные
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми» [5, с. 89].

В лице Оэлу женщина-мать олицетворяла не только мужество, готовность к подвигу, но и женственность, самозабвенную материнскую любовь.

Дочь. Среди представителей монгольской аристократии часто были распространены политические брачные союзы. Например, племя унгират считало брачные союзы одной из основных составляющих политического могущества. В «Сокровенном сказании» повествуется следующее: «Они, наши дочери и дочери наших дочерей, которые становясь принцессами в результате их браков, служат защитой против наших врагов, а с помощью просьб, с которыми они обращаются к своим мужьям, они получают благосклонность для нас» [Там же, с. 86].

В летописи Рашид-ад-дина сообщается, что все дочери Чингисхана были выданы замуж за наследников или правителей разных племенных обществ. Так, Ходжин-бэки была выдана замуж за Буту-гурэна из племени икирас, Чичиган – за сына правителя племени ойрат, Алахай-бэки выдали за сына государя племени онгут, Тумэлун – за сына государя кунгират, Алталун была выдана замуж за Таджу-гургэна из племени олкунут [9, с. 115]. Характерной чертой этих браков было то, что после их заключения мужья поступали в армию Чингисхана. Если у них были другие жены, то они должны были сначала развестись с ними [11, р. 75]. Каждый брачный союз дочерей преследовал свои цели и способствовал укреплению политических, экономических связей Монгольской империи без применения вооруженной силы. Думаем, что эта тема требует отдельного исследования.

Глава семьи / регентство. После смерти мужа представительницы монгольской элиты часто исполняли функции главы семьи, особенно если дети находились в юном возрасте. Примеры, когда жена возглавляет семью после смерти мужа, встречаются в летописи Рашид-ад-дина. Он пишет об Мунулун-хатун, жене Дугум-Мэнэна, предка Чингисхана в седьмом колене. После смерти мужа она осталась с девятью сыновьями, которые «взяв [в жены] девушек из различных мест, из разных племен, переезжали [от племени к племени] на установленных обычаях правах зятьев» [9, с. 18]. Вероятно, она осталась за главу семьи и следила за хозяйственной жизнью племени. «[Через] каждые несколько дней она приказывала стогнать табуны... говаривала: “Собрано все полностью!” – в противном же случае она приказывала идти на поиски стад» [Там же, с. 19]. Кроме того, она старалась следить за порядком в своих землях и защищать их. Когда племя джалаириров вторглось на их территорию, Мунулун попыталась защититься, однако она и восемь сыновей погибли в результате этого нападения. Вот что сообщается в летописи: «Из всех джалаириров [лишь] одна группа... отпочковала с женами и детьми и дошла до пределов стойбища Мунулун, жены Дугум-Мэнэна. Так как их [джалаириров] одолел голод, то они выкапывали корни растения, называемого судусун и считающегося в этой области съедобным, и ели [его]. Вследствие этого они изрыли ту местность, на которой сыновья Мунулун выезжали коней, и понаделали там множество ямок. Мунулун сказала: “Зачем вы изрываете [степь] и портите ристалище моих сыновей?!”. А они за это схватили Мунулун и убили...» [Там же].

Примеры матери – главы семьи и регентши – можно встретить и в период ранней Монгольской империи. После смерти правителя часто именно его старшая жена становилась регентом во время междоусобия.

Туракина – жена Угедэя (третьего сына Чингисхана и Борте, ставшего преемником своего отца) – возглавила империю после смерти мужа в период междоусарствия. Она стала первой женщиной, которая официально встала у власти Монгольской империи в роли регентши. К тому же в последние годы правления хана Угедэя она принимала участие в государственных делах, с согласия супруга издавала указы, подписываясь «Великая хатун». Туракина сохраняла за собой регентство над Монгольской империей в течение 5 лет, отсрочивая созов курултая для избрания нового хана [8, с. 44-46].

Так, женщины из высших слоев монгольского общества в силу происхождения были вовлечены в политическую жизнь империи и становились непосредственными участниками государственных процессов.

Заключение. Таким образом, положение монгольской женщины не всегда и не во всем зависело от воли мужчины. В средневековой монгольской семье сложились гармоничные поло-ролевые образцы поведения мужчины и женщины, которые прививались им с детства. Женщине это позволяло реализовать свои «природные» потребности (сосредоточиться на семье и рождении детей). Однако во внутрисемейных и общественных отношениях допускались также черты «мужского» поведения для женщины, когда она имела к этому склонности или была в этом необходимость. Со стороны женщины мы видим покорность своей «женской доле» (в случае похищения невесты или брака, заключенного по воле родителей), верность своему долгу жены, матери. Со стороны мужчины – готовность признать равенство с женщинами в некоторых сферах, прислушаться к женским советам и уважение к ее мнению.

Повседневная жизнь кочевого общества требовала от женщины исполнения публичной роли в хозяйственной деятельности. Она имела большее влияние и автономность, чем женщины в других оседлых обществах.

Женщина пользовалась уважением главным образом как жена и мать семьи. Одновременно с этим она была для мужа соратником, мудрым советчиком, к которому он обращался при решении сложных вопросов.

В межплеменных союзах дочери часто играли важную роль, связывая разные племена между собой. Хотя после вступления в брак они теряли связь со своей семьей, тем не менее способствовали установлению политических, экономических отношений между своим племенем и другим.

Список источников

1. Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 415-441.
2. Бахтин А. Г. Европейские путешественники XIII в. о женщинах в Монгольской империи // Гендерные исследования в гуманитарных науках: материалы V Межвузовской научно-практической конференции «Женщина и власть» (30 марта 2006). Йошкар-Ола: Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской; Лаборатория гендерных исследований, 2007. С. 116-123.
3. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Исследования и материалы по истории России и Востока (Studies in Russian and Oriental History). Брюссель, 1939. Вып. 1. С. 12-48.
4. Карпини Дж. П., Рубрук Г. де. История монголов. Путешествие в восточные страны / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.
5. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niġuċa tobċiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник: в 3-х т. / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. 619 с.
6. **Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху** / отв. ред. Н. Ц. Мункуев; введение, пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984. 486 с.
7. Мищукова А. С. Гендерные роли женщины в традиционной кочевой культуре // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 3. С. 204-208.
8. Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII-XIX вв. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2017. 384 с.
9. Рашид-ад-дин. Сборник летописей: в 3-х т. / отв. ред. И. А. Орбели; пер. с персидского Ю. П. Верховского; примеч. Б. И. Панкратова, Ю. П. Верховского; редакция проф. И. П. Петрушевского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 2. 248 с.
10. Nicola B. de. Women in Mongol Iran [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1g09twn.11?seq=3#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 25.06.2018).
11. Weatherford J. The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire. N. Y.: Crown Publisher, 2010. 318 p.
12. Weaver J. Elite Women in Mongol and European Societies [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/35889633/Elite_Women_in_Mongol_and_European_Societies (дата обращения: 30.06.2019).

STATUS AND ROLE OF THE MONGOLIAN WOMAN IN THE FAMILY (THE XII-XIII CENTURIES)

Tsybilova Snezhana Sergeevna, Ph. D. in History
*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
ai_qing@mail.ru*

The article is devoted to identifying the status and role of a woman in the Mongolian family of the XII-XIII centuries. Analysing the information contained in historical chronicles, legal documents and travel essays of that time, the author concludes that a woman's status was high enough; she enjoyed a sufficient degree of freedom in the family sphere. The paper analyses in detail a woman's roles in the family: wife, mother and daughter. It is shown that widowed representatives of the Mongolian elite often performed a regent's duties and influenced political processes.

Key words and phrases: medieval Mongolia; family; marriage; woman; gender roles; Khatun.